

Это не было обычное метро.

Если, конечно, под «обычным метро» подразумевать метро из того мира, где Линь жил до своего пятнадцатилетия. Там оно являлось популярным общественным транспортом в больших городах; его всегда переполняли простые рабочие, спешащие на учёбу или с учёбы школьники, пожилые люди с детьми... Короче, типичные граждане.

Метро в этом мире отличалось. Будучи единственным средством передвижения, соединяющим города, оно скорее отвечало за перевозку грузов, нежели за перевозку людей. Привилегия использовать метро имела не у многих — у крупных бизнесменов, получивших специальные пропуска; у чиновников, работа которых требовала выезда; и у инквизиторов, охраняющих железнодорожные пути от любящих нападать в темноте монстров.

Линь тоже был инквизитором, но сегодня от него не требовалось заниматься дежурством.

Он возвращался из командировки. Недавно ему удалось успешно завершить трёхнедельную операцию, в результате чего школа, находившаяся под юрисдикцией Инквизиции в близлежащем городе Содальвиле, пригласила его выступить с речью на тему «Самозащита ритуалистов в сражениях на передовой». Проезд щедро оплачивался, так что Линь без колебаний согласился. Ещё он прихватил с собой эксклюзивные локальные товары для перепродажи — тоже своего рода небольшая прибыль.

Возвращение домой обещало быть радостным и безмятежным, но на обратном пути ему неожиданно встретился его начальник.

Верховный инквизитор Шпиневиля, апостол Близнецов Диссонанса, «Двоестрел огня и льда» — Фельдграу Дуофюр.

Инквизиция не запрещала своим сотрудникам иметь стороннюю работу, но становление инквизитором означало повышение социального статуса, а прилагающиеся зарплата и льготы вполне позволяли им и их семьям считаться уважаемыми людьми.

Линю, являвшемуся таким уважаемым человеком, следовало вести себя достойно в глазах находящихся в метро малочисленных гражданских — а не неуклюже тащить на себе кучу всевозможного багажа, и уж тем более не ронять при посадке в поезд одну из сумок прямоком к ногам своего начальника.

Именно в этот момент их взгляды встретились. Фельдграу, на голову превышающий Линя, был одет в светлый костюм-тройку с наброшенным поверх белым пальто. Его внешность казалась безупречной — словно гипсовая скульптура, выставленная в церкви для поклонения. И если бы Линь не носил форму инквизитора, то он бы выглядел как какой-нибудь вокзальный грузчик, который никак не вписывался в один кадр с верховным инквизитором.

Тем не менее Фельдграу, наклонившись, поднял с пола упавшую пыльную сумку и протянул

Линю руку.

— Дай мне часть своих вещей.

— Верховный инквизитор... Вы же знаете, я могу сам донести.

— В бою ритуалист должен следить за тем, чтобы его руки всегда имели доступ к книге таинств. Ты ведь именно так сказал в своей лекции? Эта станция метро слишком близка к Куполу. Тут небезопасно. Ты должен быть готов к сражению.

Линь слегка растерялся.

Не поймите неправильно, его удивило не то, что начальник захотел помочь ему с багажом. Хотя Линя и перевели в центральное отделение Инквизиции Шпиневиля всего девять недель назад, прошедшего времени оказалось достаточно для понимания того, насколько Фельдграу Дуофюр, являвшийся всего на семь лет старше него, был добрым — он никогда не отказывал в помощи нуждающимся.

Так что Линя удивило именно то, откуда его начальник знал о содержании проведённой им лекции.

Он же не мог не заметить Фельдграу в школьной аудитории?

И ещё одна странность: человек, отвечающий за весь Шпиневиль, внезапно появился на станции метро Содальвиля.

«Секретная миссия?» — данная мысль промелькнула в голове Линя и сразу же исчезла. Кто он такой, чтобы спрашивать о подобном?

Во всяком случае, начальник Линя помог ему донести часть багажа до вагона, после чего направился проверять команду охранявших метро инквизиторов. Линь хотел пойти с ним, но получил отказ по причине того, что ритуалисты, как представители класса поддержки, должны хорошо отдыхать.

Фельдграу, хоть сам и трудился допоздна, не давал своим подчинённым сверхурочки. Он действительно был замечательным начальником. Хорошая рабочая атмосфера в центральном отделении Инквизиции Шпиневиля существовала наполовину благодаря ему.

Линь, мысленно его восхвалявший, чувствовал себя очень устал. Он немного посидел в купе в одиночестве, а затем довольно быстро задремал.

У него получилось проспать более трёх часов. Проснувшись, Линь обнаружил, что его

начальник сидит на месте напротив.

Дуофюрский птицелюд с короткими белоснежными волосам, перистыми ушами и розовыми глазами отвёл взгляд от окна. Его лицо, до этого казавшееся холодным из-за серьёзного выражения, вдруг озарилось улыбкой. Он обратился к Линю:

— Вовремя. Мы почти в Шпиневиле.

Перед тем, как Линь уснул, в купе горел яркий свет. Было неизвестно, когда именно Фельдграу пришёл, но, судя по всему, застав своего подчинённого спящим, он переключил освещение на более тусклое.

Теперь в этом приглушённом свете облик начальника выглядел ещё мягче.

«Все ли дуофюрские птицелюды такие? В конце концов, они белые голуби, светлые и добрые»,
— Линь попытался вспомнить стереотипы из своего старого мира.

Потерев лицо рукой, он выпрямился на месте и проговорил:

— Вы столь много работаете. Не устали?

— Такие высокоранговые служители, как я, физически гораздо сильнее обычных людей, поэтому мне полагается больше работы, — ответил Фельдграу.

— Хм, — Линь кивнул. — Вы не сказали, что не устали; значит, вы устали.

Услышав это, верховный инквизитор моргнул.

Он, казалось, на несколько секунд задумался, а затем, так и не произнеся «я не устал», просто поднёс палец к губам.

— Линь, — на его лице опять заиграла улыбка, — не говори подобного на людях.

— Потому что людям нужны неустанные и энергичные инквизиторы?

— Им нужно чувство безопасности, и я могу дать его. Для меня эта мелочь почти ничего не стоит.

Хоть его начальник и говорил искренне, Линю всё равно захотелось вздохнуть.

К сожалению, Инквизиция не подчинялась трудовому кодексу Шпиневия.

Но, справедливости ради, этот мир вообще не был «мирным». Культисты и монстры не имели чёткого рабочего графика, так что и борющаяся с ними Инквизиция редко когда отдыхала.

Линь достал карманные часы и взглянул на время.

— До прибытия больше получаса. Можете отдохнуть. Я присмотрю за вами.

— Мне сейчас не спится, — Фельдграу как-то слегка смущённо опустил взгляд.

«Точно, он на секретной миссии, поэтому ему нельзя терять бдительность», — подумал Линь.

— Всё в порядке, — его начальник снова поднял глаза. Он всегда улыбался, когда смотрел на Линя. — Я чувствую себя отдохнувшим каждый раз, как пообщаюсь с тобой. Можем ли мы продолжить разговор?

«Раз уж начальник просит, что ещё остаётся?»

Линь, хоть и родился в нулевых, не собирался усложнять себе отношения с руководством.

— О чём вы хотите поговорить?

— Ну... Ты хорошо спал?

— Честно говоря, так себе. Мне приснился очень странный сон.

На его слова Фельдграу удивлённо вскинул бровь. Он не стал выведывать подробности сна Линя, а лишь сказал:

— Иногда сила Девы Серебряной Луны может проникать в сны обычных людей. Думаю, нет смысла тебе объяснять, насколько она опасная тёмная богиня. Если твой сон действительно выглядит слишком странным, то тебе лучше быть осторожнее в ближайшие дни. Может, на некоторое время остановишься в гостевых комнатах центрального отделения? Там довольно мощная защита.

Что ж, сон и впрямь имел связь с Девой Серебряной Луны.

Приснившийся круг ритуала жертвоприношения запомнился Линю настолько чётко, что казалось, будто бы он отпечатался в его мозгу.

Конечно, ему, как ритуалисту, приходилось запоминать сотни всевозможных ритуальных формаций. Он уже давно выработал собственные методы заучивания для узоров различной сложности. Для него не составляло труда запомнить изображение с одного взгляда.

Озверизация Девы Серебряной Луны была очень распространённым ритуалом жертвоприношения среди культистов. За последние шесть месяцев Линь расследовал пять дел с её участием и теперь мог легко нарисовать весь круг даже с закрытыми глазами.

Проблема заключалась в том, что ритуальный узор во сне выглядел слишком чётко.

Как и та померанская пёсолюдка с её мужем. Их лица до сих пор не забылись. Линь даже сейчас продолжал задумываться о том, что померанские шпицы и доги не очень-то подходят друг другу.

Он достал свою книгу таинств и открыл её.

Книга таинств представляла из себя копию опыта ритуалиста. Некоторые ритуалы требовали платы в виде знаний — после их проведения у ритуалиста исчезало из памяти всё, что было связано с только что начертанной формацией. Приходилось учить узоры заново.

А ещё существовало множество «отравляющих» знаний. Запомнишь, что не надо — получишь духовное осквернение. Перед использованием книги таинств стоило полностью очистить свой разум, чтобы при чтении вслух информация проходила сквозь гладкую кору головного мозга и не оставляла следов.

У книги таинств имелись и другие применения. Например, только что Линь вырвал из неё лист с нарисованным на нём ритуальным символом, поджёг его зажигалкой и принялся читать про себя молитву.

По её окончанию пламя, пожирающее бумагу, осталось светлым. Это означало, что его духовный фон был чист.

Линь закрыл книгу таинств и произнёс:

— Похоже, просто обычный сон.

Фельдграу выглядел облегчённым.

— Хорошо... Но ты всё равно не расл...

Бах!

О крышу вагона что-то ударилось.

Двое пассажиров одновременно замолчали.

Клац-клац-клац!

Начальник Линя встал, вокруг него вспыхнул красный свет. Пистолеты, дробовики, снайперские винтовки — огнестрельные орудия одно за другим появлялись из воздуха, следуя за Фельдграу.

По такой реакции Линь и без вопросов мог понять, что раздавшийся грохот определённо не был вызван банально камнями осыпающегося туннеля.

— Я позабочусь о гражданских, — сказал он, держа в одной руке книгу таинств, а в другой — чемодан из коровьей кожи.

Фельдграу в ответ кивнул и сразу же после этого исчез из вагона.

«Амулет телепортации... Начальник действительно очень богат», — подумал Линь.

Он, под пронзительный вой тревоги, открыл дверь купе и с чемоданом в руках вышел в коридор.

В данном VIP-вагоне, разделённом на несколько отдельных комнат, находилось ещё семь или восемь пассажиров. Все они, кто быстрее, кто медленнее, открывали небольшие смотровые окошки в дверях и под звучащий сигнал об опасности готовили свои орудия.

Очевидно, что тот, кто осмеливался путешествовать между городами, должен был обладать мощными боевыми качествами. Если бы в метро пролез какой-нибудь тощий упырь, то дежурившей команде инквизиторов даже не пришлось бы ничего делать — пассажиры смогли бы самостоятельно разобраться с монстром.

Но у неразумных упырей не хватало скорости, чтобы атаковать движущийся поезд — а значит, сегодняшним противником являлись не они.

Бах!

Сверху снова раздался грохот. Линь, пытаясь определить направление по звуку, подбежал к соседнему вагону и распахнул дверь.

Перед ним предстали два медведюда, держащие винтовки и стреляющие в разбитое окно.

Огромная чёрная когтистая лапа цеплялась за край пустой рамы. Позади неё виднелись налитые кровью глаза размером с кулак, которые злобно смотрели внутрь поезда.

Это был озверевший.

До того, как стать озверевшим, он, вероятнее всего, являлся крысолодом.

Все озверевшие имели связь с Девой Серебряной Луны. По мнению Линя, эта тёмная богиня встречалась ему сегодня слишком часто.

Пули, выпущенные из винтовок, попадали в озверевшего; но тот, роняя капли крови, продолжал исцеляться. Он, казалось, не чувствовал боли, и это делало его серьёзным противником. Вторая лапа тоже ухватила за край окна; мускулы озверевшего вздулись — он явно намеревался вскрыть стальной вагон как консервную банку.

Двое медвелюдов в страхе отступили. Когда они уже начали сомневаться, есть ли смысл вообще продолжать стрелять, сбоку раздался спокойный голос.

— С дороги.

Медвелюды инстинктивно подчинились приказу — они прижались к противоположным стенам коридора. Теперь озверевший крысолод мог разглядеть стоявшего у двери Линя, облачённого в чёрное форменное пальто с ярко-красными погонами.

Инквизитор.

Тёмные взъерошенные волосы молодого инквизитора доходили до плеч; глаза закрывала белая повязка, словно он был слепым; на виду оставались лишь бледные губы и подбородок. На груди у него висело несколько подвесок с драгоценными камнями, а в его левой руке находилась огромная книга в твёрдом переплёте. На полу рядом с ним лежал открытый чемодан из коровьей кожи.

Книга таинств свидетельствовала о том, что её владелец являлся хрупким ритуалистом, у которого вряд ли хватило бы времени начертить ритуальный круг и который не имел поблизости служителей, способных его защитить.

Крысолоду только показалось странным, что он не мог определить расу инквизитора по запаху или внешним признакам — что, впрочем, было не так уж и важно.

Озверевший усмехнулся. Стена вагона хрустнула под его хваткой, по стали поползли трещины.

Свободное пространство позволило ему взмахнуть своей щетинистой рукой. Крысолод

растопырил когти, намереваясь схватить стоявшего у двери инквизитора. Но тот, к его удивлению, решил парировать удар.

С внутренней стороны чёрного плаща Линя внезапно вспыхнул заранее нарисованный ритуальный круг.

Он щёлкнул пальцами правой руки, и маленькая стеклянная бутылочка, выуженная им из чемодана ранее, разбилась. Хранившейся в ней освящённый алкоголь мгновенно испарился.

Неожиданно шар пылающего белого огня окутал озверевшего крысолюда, в результате чего он с визгом свалился с движущегося поезда.

<http://bllate.org/book/12612/1119950>